

DOI: 10.31857/S013038640008190-7

© 2020 г. **Б. Г. ЯКЕМЕНКО**

ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЗ СВОБОДЫ: УЗНИКИ НАЦИСТСКИХ КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ЕВРОПЕ И ПРОБЛЕМА ВОЗМЕЗДИЯ

Якеменко Борис Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

E-mail: borislj@mail.ru

Аннотация. В статье идет речь о психическом и ментальном состоянии узников после освобождения из нацистских концентрационных лагерей и проблемах, которые узникам пришлось пережить. «Концентрационный мир» (в терминологии французского писателя Давида Руссе) нацизма стал уникальным явлением, местом, где история уступала место мифологии, где воскрешались архаические, пра-логические (дологические) формы мышления и действия, где упразднились правила и законы, на которых держалась европейская цивилизация. В основе этого мира лежали насилие и смерть. Именно этот мир и стал высшей, абсолютной точкой тоталитаризма, местом, где была сделана попытка в кратчайшие сроки путем беспрецедентного морального и физического давления создать физически и духовно принципиально нового человека. Через систему нацистских концентрационных лагерей прошли миллионы людей, значительная часть которых не смогла выжить. Как «концентрационный мир», так и выход из него означали кризис или крах системы ценностей узника. Вставала проблема возмездия за пережитые страдания и адаптация в послевоенном обществе.

Выжившие узники нацистских концентрационных лагерей остались в значительной степени непонятыми как окружающими, так и самими собой, что привело большую часть выживших к нежеланию рассказывать о прошлом. Сегодня можно утверждать, что то, что современники слышат от живых или слышали от уже ушедших из жизни узников о «концентрационном мире», – это совсем не то, что бывшие узники хотели или хотят сказать миру.

В статье подробно анализируются причины, по которым ожидаемое возмездие, с точки зрения узника, не состоялось, а также психологические и социальные проблемы самоидентификации узника как достоверного свидетеля пережитого. Делается попытка ответить на вопросы, почему узники так и не встретили понимания в послевоенном обществе и с чем связано возникновение тезиса о “кающейся нации” послевоенной Германии.

Ключевые слова: концентрационный лагерь, узник, освобождение, возмездие, понимание, забвение.

B. G. Iakemenko

Liberation Without Freedom: the Prisoners of the Nazi Concentration Camps in Post-War Europe and the Problem of Retribution

Boris Iakemenko, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia).

E-mail: borislj@mail.ru

Abstract. In the article the author takes a close look at the mental health and mental condition of prisoners after the liberation of the Nazi concentration camps and the issues that prisoners had to endure. «L'Univers concentrationnaire» ('concentration camp universe' to use the French writer David Rousset's terminology) of Nazism was a unique phenomenon, a place where history was replaced by mythology, where the archaic, prelogical forms of thought and action were resurrected, where rules and laws, which were upholding the European civilization, were abolished. That world was based on violence and death. It was this world that became the highest, absolute point of totalitarianism, the place where an attempt was made to create a fundamentally new person – both physically and spiritually – in the shortest time possible by means of unprecedented moral and physical pressure. Millions of people passed through the system of Nazi concentration camps, many of them did not survive. Both the «concentration camp universe» and the exodus from it meant either the crisis or the collapse of the value system of the prisoner. The problem of retribution for suffering and adaptation in post-war society arose.

The survivors of the Nazi concentration camps remained largely misunderstood by others and by themselves, leading a large proportion of the survivors to the state of being reluctant to talk about the past. Today it can be argued that what contemporaries hear from the living or heard from the already deceased prisoners about the «concentration camp universe» is not what the former prisoners wanted or want to say to the world.

The article analyzes in detail the reasons why, from the point of view of the prisoner, the expected retribution did not take place, as well as psychological and social problems of self-identification of the prisoner as a reliable witness of the experience. An attempt is made to answer the following questions: why the prisoners couldn't find understanding in the post-war society and what the reason was for the emergence of the thesis about the «penitent nation» of post-war Germany.

Keywords: concentration camp, prisoner, liberation, retribution, understanding, oblivion.

«Концентрационный мир» (в терминологии французского писателя Давида Руссе¹) нацизма стал уникальным явлением, местом, где история уступала место мифологии, где воскрешались архаические, пралогические (дологические) формы мышления и действия, где упразднялись правила и законы, на которых держалась европейская цивилизация. В основе этого мира лежали насилие и смерть. Именно этот мир и стал высшей, абсолютной точкой тоталитаризма, местом, где была сделана попытка в кратчайшие сроки путем беспрецедентного морального и физического давления создать физически и духовно принципиально нового человека. Через систему нацистских концентрационных лагерей прошли миллионы людей, значительная часть которых не смогла выжить.

Говоря о выживших узниках, отметим бытующий в сознании и литературе устойчивый стереотип, в рамках которого описывается состояние выживших узников концлагерей после освобождения как необыкновенно счастливых людей, испытывавших чувство непередаваемой радости от обретенной свободы и прекращения страданий. Так должен воспринимать свободу всякий человек, выходящий живым из камеры пыток. Этот стереотип зиждется на отождествлении тюрьмы и концентрационного лагеря, что является фундаментальной ошибкой, уводящей наблюдателя от понимания феномена «концентрационного мира». Для понимания этой ошибки необходимо указать на несколько важных отличий тюрьмы и нацистского концентрационного лагеря. Впервые разницу между нацистским концлагерем и тюрьмой отметил еще в 1947 г. психолог Герберт А. Блох. На основании интервью с женщинами, которые были заключенными концлагеря Маутхаузен и тюрьмы Охрдруп, Блох установил, что социальные процессы в тюрьме и лагере существенно различались. Если в тюрьмах

¹ Rousset D. L'Univers concentrationnaire. Paris, 1965.

доминировали центростремительные интеграционные силы, то в концентрационных лагерях преобладали центробежные. Иными словами, в тюрьмах социальные связи между заключенными являются правилом, а в концлагерях исключением, так как в последних отсутствуют условия, которые могли бы обеспечить сплоченность узников и стабильность их связей. В тюрьмах жизнедеятельность узников не сводится только к выживанию, в концлагерях именно выживание является главной задачей, что препятствует возникновению сообществ заключенных и приводит к «первобытному состоянию человеческой общности»².

Заключенные нацистских концентрационных лагерей оказывались за колючей проволокой, как правило, без судебной процедуры или приговора; в лагерях они были полностью лишены любых прав и отданы во власть лагерного начальства, начиная с самых низших должностей типа капо³. Заключенный помещался в лагерь на неопределенное время, по сути навсегда. Кроме того, условия пребывания в лагере и тюрьме различались кардинально по всем параметрам — от момента попадания в лагерь до форм работы, приема пищи, повседневно. Таким образом, как заключение в лагерь и пребывание в нем не было равнозначно тюремному заключению, так и освобождение из концлагеря переживалось совершенно иначе, нежели выход на свободу из тюрьмы.

Начиная с 1945 г. из нацистских лагерей несколько недель подряд освобождали почти 65 тыс. человек ежедневно. «Мужчины, женщины, осиротевшие дети катились по Европе, словно приливная волна. Беженцы шли куда-то и никуда одновременно»⁴. Это были те, кто был в состоянии передвигаться. Большинство остальных было так физически и психологически подавлено и надломлено, что почти никак не реагировало на освободителей. Так, вошедшие в Освенцим советские военнослужащие вспоминали, что «когда открывался барак и туда входил какой-то советский солдат-освободитель, они (узники. — Б. Я.) на это вяло реагировали. Им было абсолютно все равно, кто зашел. Потому что они ничего хорошего ни от кого не ждали. Это были люди, которые полностью потеряли свое “Я”. Это трудно представить, в каком психологическом состоянии находились люди, полностью подлежащие уничтожению. Поэтому, появившись там американский солдат, советский солдат, узник мог только вяло на него поднять глаза — и не более того»⁵. Однако когда происходило восстановление (или же если узник был в состоянии реагировать на произошедшее), ощущение освобождения все равно не наступало.

Свидетельства выживших показывают, что они выходили на свободу, но не обретали свободы и это их мучило, так как они не понимали, что нужно сделать, чтобы ощущение освобождения возникло. «Мы вышли из лагеря обнаженные, опустошенные, измученные, дезориентированные — и минуло много времени, пока мы снова мало-маленьки научились говорить на повседневном языке свободы», — писал австрийский философ, бывший узник Освенцима, Бухенвальда и Берген-Бельзена Жан Амери⁶. «Когда в Берген-Бельзен пришли освободители и с английского танка на всех языках кричали нам: “Вы свободны!” — я только рукой махнула. Ничего внутри не осталось. Те, кто поступили в лагерь недавно, след английского танка целовали!

² Bloch H. A. Personality of Inmates of Concentration Camps. — American Journal of Sociology, 1947, 52(4), p. 337–339.

³ Капо — обозначение «должности» привилегированного заключенного в «концентрационном мире». Обычно это староста барака или надзиратель.

⁴ Коуэн Д. М. Я выжил в Холокосте. М., 2016, с. 68.

⁵ Левинский Д. Мы из сорок первого. — <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vospominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-1.html> (дата размещения 7.08.2019).

⁶ Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015, с. 47.

А я — условно живая. Никаких реакций. Коменданту Крамеру поручили грузить мертвые тела на машины, а у меня даже не было сил подойти и сказать ему, что я о нем думаю», — вспоминала бывшая узница Берген-Бельзена А. Гулей⁷. Потрясение от пережитого было настолько велико, а перенесенные страдания настолько чудовищны, что радость от освобождения казалась неуместной. Один из выживших узников Дахау вспоминал, что «видел, как люди пели и плясали от радости, и мне казалось, что они обезумели. Я смотрел на себя и не мог понять, кто я такой»⁸.

Негативные ощущения усиливало настроенное отношение местных жителей, которые ждали от узников мести, разгула ненависти, опасности болезней и не торопились им сострадать. Освободители тоже часто не понимали, что в реальности пережили узники и поэтому испытывали по отношению к ним чувство удивления, безразличности, жалости, но не сострадания и уж тем более не стремились понять их. По словам одного американского конгрессмена, посетившего Бухенвальд, узники напоминали ему не замечаящих окружающего человекообразных обезьян⁹. Солдаты и офицеры освободивших лагеря армий откровенно возмущались беспорядком, царившим в бараках и драками узников за еду. Ощущение, что ничего кардинально не изменилось, усиливалось у выживших тем, что заключенные продолжали по разным причинам массово погибать и после освобождения. Так, в освобожденном от нацистов лагере Дахау в течение нескольких месяцев умерло еще 2000 человек, а в освобожденном Берген-Бельзене за шесть недель умерло 17000 узников¹⁰.

Многие узники не торопились никуда идти: лагерь уничтожил всю их прежнюю жизнь, им просто некуда было возвращаться. Другие, даже при условии, что сохранились их дома, не были уверены, что их там ждут, так как их родных и близких (особенно это касалось евреев) уже не существовало. «Едва надежда на возвращение перестала казаться безумием, — писал П. Леви, — подступила глубоко запрятанная боль, которую прежде удерживали за гранью сознания другие, более настоятельные боли. Это была боль изгнания, утраты родного дома и близких друзей, одиночества, потерянной молодости; боль при мысли о множестве трупов вокруг»¹¹. Ж. Цикович вспоминала: «Мы услышали из громкоговорителя голос одного из наших охранников: “Сегодня объявлено об окончании войны. Вы все свободны. Можете идти куда хотите и делать что хотите”... Многих из нас это, что называется, выбило из колеи... Нам сказали, что мы можем идти куда хотим, и я, например, подумала — а куда я хочу идти? Куда я могу пойти? Может, туда, откуда меня увезли? Еврейские дома, которые мы оставили... Все, что было у моих родителей, уже растащили, как и вещи других... Хочу ли я туда возвращаться? Кто пожелает жить там, где все стояли и смотрели, когда с евреями происходила такая страшная беда, кто захочет туда возвращаться? И где в мире есть для меня место?.. Как я могла быть счастлива тем, что стала свободна? Мне восемнадцать лет и кто я? Я никто... Это было очень болезненно осознать. Почему болезненно? Потому что за минуту до того, как я поняла, что свободна и могу делать все, что хочу, меня в мире ничего не интересовало, кроме того, как бы раздобыть кусок хлеба. Семьдесят лет я не могу забыть это чувство»¹². Пережитое навсегда отделило выживших от остального мира, и они сами это понимали, становясь чужими самим себе.

⁷ Гулей А. «В лагере меня из человека превратили в чучело номер 61369 — вот кем я была». <http://fakty.ua/212161-uznica-osvencima-anastasii-gulej-v-lagere-menya-iz-cheloveka-prevratili-v-chuchelo-nomer-61369--vot-kem-ya-tam-byla> (дата обращения 17.06.2019).

⁸ Вахман Н. КЛ. История нацистских концлагерей. М., 2017, с. 562.

⁹ Там же, с. 566.

¹⁰ Франкл В. Воспоминания. М., 2018, с. 128.

¹¹ Леви П. Передышка. М., 2016, с. 17.

¹² Цит. по: Рис Л. Холокост. Новая история. М., 2018, с. 446.

У узников из СССР была еще одна проблема — перспектива опять оказаться в лагере, только советском. Узница Освенцима и Равенсбрюка О. Коссаковская вспоминала, что, вернувшись на родину во Львов, поступила на филфак университета и в консерваторию, но через год была арестована, обвинена в пособничестве фашистам («Спрашивали, почему меня немцы не расстреляли, как я осталась жива?») и получила десять лет лагерей¹³. Даже если бывший советский узник не попадал в лагерь на родине, то на нем все равно годами лежала печать неблагонадежности. «Те, кому посчастливилось вернуться домой, потупив взор, с неуверенностью, а то и со страхом, писали в анкетах о том, что находились в концлагере, — вспоминал Д. Левинский. — Если брали на работу, что имело место не всегда, то анкета подшивалась в дело, а ты никогда и нигде не упоминал об этом. Многие не раз слышали обидные слова: “Наверняка — ты шпион. Не может быть, чтобы тебя не завербовали!” — так смотрела на каждого бдительная служба безопасности страны»¹⁴. В связи с этим в СССР трагедия нацистских концентрационных лагерей не оказала серьезного влияния на общественное сознание, поскольку она никогда не становилась предметом подробного изучения, публичного обсуждения и социального осмысления. Поэтому эта трагедия осталась частной трагедией бывших узников и одним из многих сюжетов общей картины, рисующей нечеловеческий облик нацизма.

Была и еще одна проблема — тотальная деаксиологизация жизни. Концентрационный мир разрушил или кардинальным образом деформировал в узниках всю предыдущую базовую систему ценностей и дал знание о новых бесчеловечных формах не столько жизни, сколько пребывания в смерти. И это знание уже невозможно было себе запретить, от него невозможно было отказаться. Именно поэтому многие вышедшие на свободу узники были близки к тому, чтобы покончить с собой: «После того, что я пережил в лагере, никаких общечеловеческих ценностей у меня не осталось. Мне казалось, ничего не имеет значения. Все бессмысленно... Это меня страшно мучило. Я был на грани самоубийства», — свидетельствовал М. Брожек¹⁵.

Ко всему этому добавлялось могущее показаться парадоксальным чувство собственной вины заключенных. «Я жив, следовательно виновен»¹⁶, — писал Э. Визель, и эта мысль встречается у очень многих узников, переживших заключение в лагерях и оставивших воспоминания. «После войны меня часто спрашивали: как получилось, что ты остался жить? — вспоминал бывший узник Освенцима И. Абкович. — И мне был очень неприятен этот вопрос. Что же, получается, они думают, что я служил немцам?»¹⁷

Факт выживания становится неразрешимой этической проблемой, так как вся логика жизни в лагерях доказывала, что нельзя дожить до освобождения, не поступившись хоть какими-то принципами. Получалось, что невиновными можно считать только погибших, только факт казни может быть доказательством того, что казненный действительно был врагом нацизма. Смерти других оказывались необходимым условием выживания, только поскольку умирали другие, живой узник мог осознавать себя живым. Не случайно Т. Адорно всерьез задавался вопросом, можно ли позволить жить дальше тем, кто выжил: «Можно ли после Освенцима жить дальше? Можно ли

¹³ Знак не сотрется. Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016, с. 364–365.

¹⁴ *Левинский Д.* Мы из сорок первого. Воспоминания. — <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vozpominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-18.html> (дата обращения 7.08.2019).

¹⁵ Цит. по *Рис Л.* Указ. соч., с. 175.

¹⁶ *Визель Э.* Ночь. М., 2017, с. 8.

¹⁷ Абкович Иосиф о концлагере Освенцим-Биркенау. — <https://teatr.audio/abkovich-iosif-о-концлагере-osvencim-birkenau> (дата обращения 6.04.2019).

действительно позволить это тем, кто случайно избежал смерти, но по справедливости должен стать одним из тех, убитых. В жизни такого человека востребован холод и равнодушие ... в противном случае Освенцим был бы невозможен, в этом и состоит явная вина тех, кого пощадили»¹⁸.

Ощущение узниками своей вины естественным образом ставило под вопрос их право судить палачей — когда виновны все, право судить не принадлежит никому. Таким образом, выживший узник после освобождения оказывался во власти не просто противоречивых, а порой взаимоисключающих психологических и моральных состояний, которые не давали возможности понять, как жить и действовать дальше, чтобы восстановить в себе прежние качества и прежнее самоощущение. Память, травматический опыт должны были обрести форму, и во многом именно на поиск этих форм памяти и опыта направлена послевоенная рефлексия выживших свидетелей.

После освобождения большинство узников импульсивно, рефлекторно стремились хотя бы каким-то образом «возвратить» свои страдания тем, кто был в них виновен. В лагерях начались стихийные акты мщения оставшимся надзирателям (капо) и охранникам, иногда при поддержке освободившихся лагеря армейских частей. «Наши ребята из военнопленных эсэсовцев многих побили, даже коменданта. Его били, каждый подходил, хоть ногой да пихнет», — вспоминала узница Н. Булава¹⁹. В. Щебетюк описывал то, что началось после освобождения, как «самую страшную трагедию», которую он видел. «Заклученные убивали заключенных. Началась бойня. Капо, блокэльтесте, штурбовых — которые остались, ловили их, избивали и оттягивали в крематорий. Это была месть за тех, убиенных. Это ужас был»²⁰. Наиболее ярким эпизодом среди этих актов стала бойня в Дахау, когда американскими военнослужащими и узниками лагеря Дахау было убито около 500 охранников и членов администрации лагеря²¹.

Идею «глобальной мести» немецкому народу за гибель шести миллионов евреев пытались воплотить в жизнь члены еврейской организации «Нокмим» («Накам»). Они оправдывали свои действия уверенностью в том, что виновные в трагедии их народа не будут должным образом наказаны. Организацию возглавил Абба Ковнер, бывший узник Вильнюсского гетто. Члены организации вынашивали планы заражения водопроводов в крупнейших немецких городах, травили и другими способами уничтожали немецких военнопленных. Считается, что в общем и целом жертвами движения стало несколько сотен человек²².

Однако деятельность организации не получила поддержки у подавляющего большинства узников. И не только потому, что истребление сотен тысяч или миллионов немцев как пособников или исполнителей, по точному замечанию Х. Арендт, «означало бы только, что идеология нацистов победила, хотя и власть и “право сильно-го” критиковать эту идеологию перешли к другим людям»²³. Во-первых, стихийные и сознательные казни виновных у думающих и мыслящих узников создавали ощущение сопричастности к одной трагической судьбе, только «с разных сторон». Так, Ж. Амери отмечал, что казнь издевавшегося над ним эсэсовца парадоксальным образом сблизила их. «Антверпенский эсэсовец Вайс, убийца и особо наторелый заплечных дел мастер, поплатился жизнью. Чего еще может требовать моя дурная жажда

¹⁸ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2014, с. 449.

¹⁹ Знак не сотрется. Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016, с. 318.

²⁰ Там же, с. 318.

²¹ Felix L. Sparks. Dachau and its liberation. — <http://45thinfantrydivision.com/index14.htm> (дата размещения 7.08.2019).

²² См.: Porat D. The Fall of a Sparrow: The Life and Times of Abba Kovner. Stanford, 2009.

²³ Арендт Х. Скрытая традиция. М., 2008, с. 47.

мести? Но коль скоро я правильно себя понимаю, дело не в мести и не в наказании. Пережитое гонение было по сути своей предельным одиночеством. И речь для меня идет об избавлении от этой поныне длящейся заброшенности. Эсэсовец Вайс, когда его вывели на расстрел, познал моральную правду своих злодеяний. В этот миг он был со мной — и я уже не был один на один с черенком лопаты (Вайс бил Амери во время работы черенком лопаты. — *Б. Я.*). Мне хотелось бы верить, что в минуту казни он так же, как я, желал повернуть время вспять, сделать случившееся не случившимся. Когда его вели к месту казни, из супостата он вновь сделался ближним. Если бы все происходило только между эсэсовцем Вайсом и мной, если бы на мне не лежала тяжким бременем перевернутая пирамида из эсэсовцев, их пособников, чиновников, капо, увешанных орденами генералов, я мог бы — так мне, по крайней мере, кажется сегодня — мирно упокоиться с этим новообретенным ближним из эсэсовской дивизии «Мертвая голова»²⁴. Во-вторых, причина несогласия узников с этими методами была и в том, что выжившие понимали, что речь должна идти о кардинальном преодолении трагического прошлого. Масштаб этого прошлого требовал не мести, которая всегда мелка, адресна и субъективна, а воздаяния, как глобального и, как казалось, единственно возможного средства преодоления.

И здесь перед выжившими возникла серьезная проблема. Можно отомстить за свои пережитые страдания, за смерть родного или случайного человека, который в лагере был рядом. Однако невозможно отомстить за целую жизнь, превращенную в пытку и смерть. За миллионы таких жизней. Сотни тысяч выживших узников концлагерей (в рамках данного сюжета мы говорим только о них, не умаляя значения жертв, принесенных всеми остальными) требовали воздаяния, считая, что оно возможно. Но очень скоро они стали понимать абсолютную невозможность считать подлинным воздаянием не только локальные расправы над охранниками концлагерей или акции «Нокмим», но даже Нюрнбергский процесс. Как отмечала Х. Арендт, «для Геринга смертная казнь это почти шутка, и он, как и другие обвиняемые на Нюрнбергском процессе, знает, что мы можем лишь немного ускорить наступление его смерти, но не более того»²⁵. Проблема оказалась в том, что тюремное заключение или даже смерть палачей не соответствовали масштабу совершенных ими преступлений и пережитого выжившими жертвами ужаса, который, как уже говорилось, находился вне рамок обычного человеческого опыта переживания трагедий.

Для требования полноценного воздаяния необходимо было для начала осознать масштаб произошедшего, но это осознание оказалось бывшим узникам не под силу, так как работала иммунная система психики, включавшая психологические механизмы самосохранения. «Память выбрасывает, очищает сама себя от слишком ужасных воспоминаний»²⁶, — писал Д. С. Лихачев, констатируя, что многие наиболее тяжелые эпизоды пережитой им блокады Ленинграда были парадоксальным образом забыты. Действие этих же механизмов у заключенных концентрационных лагерей было обнаружено Б. Беттельхеймом на основе анализа снов узников. Во сне они часто мстили эсэсовцам, однако «причиной мести заключенного ... чаще всего было какое-то маленькое издевательство и никогда не чрезвычайное переживание... Наиболее шокирующий опыт не попал в сны... Отдельные гестаповцы, совершившие незначительные прегрешения, вызывали гораздо более глубокую и сильную агрессию, чем те из них, кто проявил особую жестокость»²⁷.

²⁴ *Амери Ж.* Указ. соч., с. 121–122.

²⁵ *Арендт Х.* Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018, с. 350.

²⁶ *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 1995, с. 335.

²⁷ *Беттельхейм Б.* Просвещенное сердце. — *Человек*, 1992, № 3, с. 35.

Таким образом, масштаб воспоминаний и переживаний оказывался меньше масштаба пережитого, смерть преступника отвечала первому, но не второму. Как следствие, у большинства выживших узников возникла растерянность, перешедшая в ощущение, что подлинного воздаяния не происходит и не произойдет. Тем более, что оказалось невозможным точно понять, кто, как и в какой степени виноват. «Кто-то составлял картотеки, кто-то задерживал, охранял, сидел за рулем, — описывал эту проблему З. Бауман. — Никто из этих людей не имел точного представления, какое место его труд занимает в общей системе и способствует убийству людей. Они всего лишь добросовестно выполняли свою работу»²⁸. А жены, родственники эсэсовцев, комендантов лагерей, которые все знали и даже пользовались трудом узников, они виновны? А их дети? Если дети, которых уничтожали в Освенциме, были виновны в том, что из них вырастут евреи, цыгане, русские, то и дети эсэсовцев могут вырасти такими же, как их отцы. То есть виновными в этой логике должны были стать практически все²⁹.

Кроме того, перед узниками, ищущими адекватных форм воздаяния, как средства преодоления прошлого, встала еще одна существенная проблема, которая всегда возникает при дихотомии радикально отличных друг от друга времен. Настоящее, главной идеей которого становится преодоление прошлого, оказывается в ловушке этого преодоления, так как период, который следует преодолеть, также строился на отталкивании от прошлого, причем часто в форме восстановления лучшего из этого прошлого. Нацистская система не была исключением. То есть в процессе преодоления парадоксальным образом происходит восстановление и закрепление объекта преодоления как в языке, так и во внешних формах. Усиливает этот эффект то обстоятельство, что в рамках «миметического нагнетания» (в терминологии Р. Жерара) формы преодоления прошлого настоящим (возмездие узников концентрационному миру) обычно аутентичны тем, с помощью которых прошлое преодолевало «предпрошлое» (возмездие нацистов тому послевоенному миру, который унизил Германию в Версале). Можно видеть, что и в том и другом случае это одинаковый язык осуждения прошлого и противопоставления ему, тюремное заключение, виселицы и расстрелы виновным.

Остановить это «круговращение возмездия» можно было только радикальным выходом за пределы этих лингвистических, семиотических, символических форм, однако этот выход не был найден именно потому, что смерть виновных в создании Концентрационного мира виделась самым понятным способом восстановления справедливости. Общественное сознание было категорически не готово к иному, пусть столь же радикальному, но не совпадающему с привычными формами возмездия, решению проблемы. Например, к тотальному прощению нацистских

²⁸ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013, с. 76.

²⁹ Именно в этой логике действовали союзнические армии, когда совершали беспрецедентные бомбежки Гамбурга, Дрездена, Франкфурта, Кёльна, в результате которых погибли десятки тысяч мирных жителей, а сами города были почти полностью стерты с лица земли (из общего количества 955 044 т бомб, сброшенных на Германию Великобританией, только 143 585 т было сброшено на промышленные объекты, а на города — 430 737 т. — Кантор М. Медленные челюсти демократии. М., 2008, с. 36). Союзники бомбили мирное население, оправдывая это тем, что оно работает на войну. Однако обвинения в уничтожении мирного населения применяли и к нацистам, т.е. ответ союзников Германии, вместо того, чтобы быть воспринятым как закономерное и неосуждаемое возмездие, в значительной степени сивелировал поражающий эффект немецких военных преступлений, «уравняв чаши весов» буквально в последние месяцы войны. Не случайно доказать свою правоту в истории с тотальными бомбежками немецких городов союзникам так и не удалось и сегодня эта тема все чаще всплывает в западной историографии (См.: Зебальд В. Естественная история разрушения. М., 2015) как аргумент в пользу снятия клейма «кающейся нации» с германского народа.

преступников или созданию для них условий для искупления вины или приданию им принципиально новых статусов в обществе, не связанных с привычными статусами отверженных и изгоев. Таким образом прошлое, от которого стремились избавиться, неизбежно возвращалось в прежнем трагическом виде, утратив всего лишь свое господствующее положение. Именно последнее обстоятельство очень многих вводило в заблуждение.

Таким образом, точную цель воздаяния невозможно было определить, ибо не просто всегда что-то ускользало, но часто оказывалось, что объектом воздаяния в итоге оказывался сам жаждущий воздаяния. В данной ситуации чувство так и не восстановленной справедливости никуда не могло исчезнуть и в качестве единственного средства преодоления прошлого была предложена компенсаторная стратегия превращения немцев в «кающуюся нацию», прививания им коллективной вины за то, что Х. Арндт называла «тотальным сообщничеством немецкого народа»³⁰. Примечательно, что тезис о коллективной вине сформулировал в 1945 г. немецкий теолог Карл Барт, хотя, казалось бы, именно протестантская и католическая церкви Западной Европы могли и обязаны были предложить выход из «круговращения возмездия». «Коллективная вина» была создана для того, чтобы за коллективным преступлением последовало коллективное наказание, с чем не были согласны даже некоторые узники лагерей типа В. Франкла, считавшие, что и в лагерях не все эсэсовцы были извергами³¹. Тем не менее постулат о том, что «Освенцим есть прошлое, настоящее и будущее Германии» (Х. М. Энценсбергер)³², стал важнейшим стимулятором памяти немцев и фундаментальным основанием их самоощущения как кающейся нации, базовым вектором бытия постнацистской Германии. Недостаточное воздаяние растягивалось в бесконечность, основная нагрузка ложилась на время, которое должно было вечно сохранять память о палачах и жертвах и в любой момент призвать к ответу за случившееся.

* * *

Однако это привело к обратному эффекту. Чем дальше от преступления отстоит наказание, тем более оно кажется странным, если не сказать, бессмысленным или вредным даже для жертвы, и тем более для стороннего наблюдателя. Актуальными становились слова, приписываемые блаженному Августину Гиппонскому: «Запоздалая справедливость немногим лучше разбоя». Кроме того, у выживших узников менялось восприятие произошедшего. По мере того как шло время, неизбежно (помимо уже указанных механизмов иммунизации памяти) включался механизм мифологизации прошлого, происходила беллетризация воспоминаний, когда в конкретном событии, отраженном в памяти, отпечатывались более поздние впечатления, почерпнутые из научной или даже художественной литературы.

Так, И. Жукова, угнанная в Германию в десятилетнем возрасте, вспоминала: «Завели нас в какое-то здание. Все мрачно, тускло. Стали там всех раздевать. И женщин, и мужчин — всех догола раздели и повели по коридору... Потом загнали в помещение. На потолке какие-то такие штуки. Слышу, взрослые говорят: “Может, сейчас газ пустят”. Тут такой страх появился! И вдруг из этих штук полилась вода! Все прямо

³⁰ Арндт Х. Скрытая традиция, с. 40.

³¹ В обоснование своего несогласия с постулатом о коллективной вине Франкл приводит пример эсэсовца, начальника последнего лагеря, где Франкл был узником. Этот эсэсовец на свои деньги покупал в соседнем городе медикаменты для заключенных, после освобождения был спрятан евреями, которые выдали его американцам с условием, «что и волос с его головы не упадет». — Франкл В. Воспоминания. М., 2018, с. 142–144.

³² Цит. по: Амери Ж. Указ. соч., с. 133.

вздохнули от облегчения. Это душ был»³³. Описываемые события относятся к 1942 г., но тогда никто не мог знать (тем более люди, только что прибывшие в Германию из СССР), как выглядела газовая камера и сама процедура умерщвления в ней. Подобный, «обгоняющий» свое время сюжет о газовых камерах встречается во многих воспоминаниях. То есть, позднейшее знание о лагерях уничтожения «создало» более раннее воспоминание, со временем приобретающее все черты достоверности. То есть, сами узники уже не всегда могли доверять собственным воспоминаниям.

Помимо этого, то, что казалось наиболее важным, менялось местами с тем, что было второстепенным, оценка прошлого все более сползала к схематизации и упрощениям. Возникал парадокс — чем дольше жертвы ждали воздаяния, тем меньше могли надеяться, что оно совершится. Не говоря уже о том, что ожидание воздаяния блокировало перспективу, навсегда оставляло ожидающих в прошлом и, по мере того как подрастали люди, не помнившие ужасов войны, вытесняло жертвы на обочину исторического времени. «Концентрационный мир» из сублимации Абсолютного Зла превращался в обычный исторический эпизод, который быстро уходил в прошлое, и «память о нем все меньше и меньше звала к тому, чтобы наказать преступников или заплатить по открытым счетам»³⁴.

Что касается погибших в концентрационных лагерях, то существенной проблемой, мешавшей оценить масштаб воздаяния, стало определение их статуса. Воздаяние требовало понимания, за что они погибли. Не было сомнений в том, что они жертвы. Однако статус безмолвной жертвы нацистского режима для общественного сознания был свидетельством, прежде всего, слабости первой и неизбежно порождал вопрос «почему они не сопротивлялись». Другой статус, статус жертвы, принесенной во имя живых, оказался неубедителен, так как был присвоен жертвам нацизма выжившими узниками позднее: не существует свидетельств, что погибшие в концентрационных лагерях шли на смерть сознательно во имя будущих поколений. Они зачастую жертвовали собой во имя близких, детей, товарищей, оказавшихся рядом с ними в лагере, но никогда не воспринимали себя как жертву за тех, кто остался за колючей проволокой. Мало того, многих узников приводило в недоумение и отчаяние нежелание окружающего мира видеть и ощущать их страдания. «Здесь сжигают мужчин, женщин и детей, а мир молчит!»³⁵ — восклицал Э. Визель, и именно это «молчание мира» воздвигало непреодолимую стену между узниками и теми, кто был на свободе. Эта стена оказалась настолько прочной, что не рухнула и после того, как «концентрационный мир» перестал существовать.

Возвращаясь к проблеме смерти, следует подчеркнуть, что она является жертвенной лишь в том случае, если смерть не цель сама по себе, а средство для достижения цели, гораздо более значительной, чем отдельная жизнь отдельного человека. Ибо, если цель ничтожна, для ее достижения не обязательно умирать — умирают тогда, когда другого выхода нет, когда смерть — последний довод. В условиях лагеря такой целью мог стать статус мученика за кого-то/что-то. Однако придать погибшим статус мучеников не было возможным, так как основа концепции мученичества и статус мученика существовали только в христианстве, и этот статус опять определялся целью, во имя которой претерпевались мучения. Именно цель превращала пытку и истязание в мученичество, полностью меняла восприятие страданий и смерти как самим мучеником, так и окружающими. Для христианских мучеников, погибавших за Христа,

³³ Знак не сотрется..., с. 118. Об опасности такого рода мемуаристики для правильного понимания произошедшего хорошо писал В. Быков в статье «Свидетельство эпохи». — <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt> (дата обращения 7.08.2019).

³⁴ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013, с. 242.

³⁵ Визель Э. Указ. соч., с. 67.

было очень важно превратить свои мучения в публичную проповедь христианства, мученическая смерть являлась убедительным, а порой и единственным доказательством истинности жизни, убеждений и веры. Здесь нужно обратить внимание на то, что обреченные мученика на страдания истязали его именно как христианина, с целью добиться отречения или наказать за исповедание, то есть понимали суть и смысл переживаемых жертвой мучений, которых она не стремилась избежать³⁶. Поэтому до сих пор неизменным условием церковной канонизации мученика является добровольное и безропотное принятие им мучений во имя Христа.

К середине XX в. рациональное европейское сознание существовало вне религиозных категорий. Мученическая смерть и мученичество в целом воспринимались этим сознанием исключительно в биологических, физиологических или даже эстетических категориях (последние, как критерий оценки явлений действительности, были характерны для эпохи модерна), просто как смерть, отягощенная страданиями. Поэтому погибающие в концентрационных лагерях не могли восприниматься как мученики.

Во-первых, уничтожение узников не имело никакого другого смысла, кроме лишения их жизни, то есть смерть была бессмысленной, и в этих условиях мученичество не могло стать оправданием жизни и тем более смерти. Во-вторых, те, кто уничтожал узников, воспринимали их смерть, как финальную часть процесса истребления биологических объектов, утилизации пронумерованных экземпляров, которые по определению не могут иметь убеждений, веры, сознания и не в состоянии ничего исповедовать перед ними в момент гибели или мучений. Мученичество в этих условиях тотального непонимания окружающими не могло стать проповедью, а лишь усиливало бессмысленность происходящего, если только испытывающий мучения не был способен стать мучеником для самого себя, но такого рода прецеденты были редки даже в христианстве³⁷. Именно поэтому в послевоенном европейском общественном сознании не было единства в оценках статуса погибших, тем более что, по точному замечанию Л. Нитхаммера, погибшие в лагерях были совершенно неизвестны обществу, о них никогда не говорили даже отрицательно, как о военном противнике³⁸. Все это приводило к тому, что главным аргументом против тех, кто осуществлял преступления против человечности, становилась статистика и национальный состав погибших в концентрационных лагерях. То есть категории, лишенные моральной составляющей.

Все это происходило на фоне того, что значительная часть германского социума считала, что Нюрнбергский процесс разрешил все проблемы, связанные с трагическим прошлым, и вернуть это прошлое больше не нужно. Это состояние общественного сознания было точно уловлено политическим истеблишментом ФРГ. «Молодую Федеративную Республику охватила “лихорадка пошады”, которой заболели все политически и общественно значимые силы, образовавшие своего рода большую коалицию»³⁹, — писал Х. Кёниг. «Процессы против нацистских военных преступников прекратились, так по существу и не начавшись, — продолжает тему А. Борозняк. — Тысячи

³⁶ Подробнее о феномене христианского мученичества см.: Ранние мученичества. Переводы, исследования, комментарии. СПб., 2017.

³⁷ Один из примеров такого рода (этот пример уникален) — преподобномученик Лукиан Антиохийский (IV в.), который, находясь в заточении и прикованный к ложу, совершил литургию прямо на своей груди, сознавая себя святым мучеником за Христа (литургия всегда совершается на антиминсе, в который вшиты мощи святых в воспоминание, что в древности литургия совершалась на гробницах святых). — Жития святых Димитрия Ростовского. Т. 6. Февраль. М., 2008, с. 56–58.

³⁸ Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012, с. 479.

³⁹ Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ. — <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html> (дата обращения 7.08.2019).

нераскаившихся нацистов оказались на свободе и великолепно приспособились к “социальному рыночному хозяйству”. Никто не хотел слышать о войне и фашизме, о неистребленных корнях прошлого. Школьники и студенты не решались спрашивать у преподавателей, что же в действительности происходило в Германии в 1933–1945 гг. Все чаще на всех уровнях раздавалось: “Ну сколько же можно? Пора уже забыть обо всем этом!”⁴⁰.

Когда руководство ФРГ в первые годы существования государства решило выплачивать репарации выжившим жертвам Холокоста, оно столкнулось с жестким сопротивлением элиты и значительной части общества. Сопротивление удалось преодолеть, но репарации были восприняты обществом, как закрытие вопроса о вине немцев перед евреями⁴¹. Примечательно, что эти настроения почувствовал даже скрывавшийся после войны в Аргентине А. Эйхман, который, как выяснила исследовательница Б. Штангнет, подготовил оставшееся неопубликованным письмо канцлеру Аденауэру. В этом письме он выражал готовность вернуться в Германию и предстать перед судом, так как был уверен, что получит легкий приговор, после чего вернется к мирной жизни⁴².

Скорее всего, так бы и случилось, так как множество бывших нацистских бонз, оставшихся в Германии, не пострадали вообще и оказались даже в истеблишменте, как, например, Г. Глобке, официальный комментатор расовых законов в гитлеровской Германии, а затем госсекретарь и советник канцлера ФРГ К. Аденауэра. Сохранились и продолжали функционировать такие структуры, как висбаденская фирма «Топф», которая проектировала и строила крематории концлагерей, а после войны не стала менять свой профиль и вплоть до 1975 г. строила крематории уже гражданские. А химический концерн «Дегусса», существующий до сих пор и выпускавший в годы войны «Циклон-Б» для газовых камер концентрационных лагерей, в 2003 г. изготовил специальный антивандальный раствор для берлинского мемориала евреям, погибшим от рук нацистов, что привело к скандалу и чуть было не погубило памятник⁴³.

Закономерно в 1949 и 1954 гг. прошли амнистии нацистским преступникам. На свободу «триумфально» вышли такие ключевые фигуры нацизма, как, например, генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн. День его выхода на свободу был шумно отпразднован жителями Верля. По распоряжению бургомистра занятия в школах в этот день были отменены для того, чтобы дети смогли принять участие в праздничном шествии. В 1956 г. из программы Каннского фестиваля под давлением правительства Аденауэра был исключен фильм об Освенциме «Ночь и туман» французского режиссера А. Рене. От Эриха Марии Ремарка, закончившего новый роман о войне, издательство в категорической форме потребовало внести в текст значительные правки, касающиеся преступлений нацистов против советских мирных жителей, а когда роман вышел, он столкнулся с разгромными рецензиями в западногерманских газетах.

Все это привело к тому, что в европейском сознании сложилось, как указывал Б. Беттельхейм, три парадоксальных, на фоне того, что произошло, подхода к нацистским концентрационным лагерям: а) существование концлагерей в человеческом обществе в целом считалось невозможным (вопреки имеющимся доказательствам), потому что акты жестокости якобы совершались небольшой группой сумасшедших;

⁴⁰ *Борозняк А. И.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014, с. 37.

⁴¹ *Нутхаммер Л.* Указ. соч., с. 477.

⁴² *Stangneth B.* Eichmann vor Jerusalem – Das unbehelligte Leben eines Massenmörders. Hamburg, 2011, S. 456–478.

⁴³ Фирма-производитель газа «Циклон-Б» была отстранена от участия в возведении памятника жертвам Холокоста. — <https://www.newsru.com/world/27oct2003/nogas.html> (дата обращения 7.08.2019).

б) информация о лагерях считалась специальной пропагандой, далекой от действительности (дошло до утверждений, что газовые камеры были построены... после войны в пропагандистских целях). Этот подход поощрялся еще фашистским режимом, называвшим все сообщения о лагерном терроре пропагандой ужаса; в) информация считалась правдивой, но обо всех ужасах старались поскорее забыть⁴⁴.

Поэтому закономерно, что книгу П. Леви о его заключении в Освенциме «Человек ли это?» не приняла к выпуску крупная издательская фирма «Эйнауди» и ее удалось опубликовать только в 1947 г. в никому не известном издательстве небольшим тиражом, но даже и этот тираж, несмотря на одобрительные рецензии в газетах, не был раскуплен. «В наши дни говорить о концентрационных лагерях это дурной вкус»⁴⁵, — констатировал П. Леви. Книга еще одного бывшего узника О. Когона «Государство СС» была почти не известна в ФРГ — к ней стали возвращаться только в 1970-е гг. Работа бывшего заключенного Освенцима Э. Визеля «И мир молчал» была отвергнута всеми крупными парижскими и американскими издателями. Даже усилия знаменитого Ф. Мориака далеко не сразу привели к результату — ему потребовались долгие месяцы и много личных встреч, прежде чем он смог пристроить рукопись⁴⁶. Записки погибшего члена зондеркоманды Освенцима З. Градовского, найденные в лагере в земле у крематория в 1945 г. (а это один из самых глубоких и бесспорных документов о том, что происходило в «концентрационном мире»), удалось издать на личные средства одного благотворителя только в 1967 г. — спустя 22 года после находки. И прошло еще 22 года, прежде чем записки перевели на европейские языки⁴⁷.

Попытки выживших узников создать мемориалы на территориях бывших концлагерей (в Дахау, Нойенгамме, Бухенвальде, Заксенхаузене) вызывали многочисленные споры и конфликты и часто встречали откровенное сопротивление (так, небольшая мемориальная выставка, открытая в крематории Дахау в 1950 г., через три года была закрыта). Неудивительно, что эти попытки увенчались успехом только через много лет после окончания войны (памятный комплекс, посвященный шести миллионам погибших от рук нацистов евреев, появился в Берлине вообще только в 2005 г. после 17-летней дискуссии). Это было связано с общественным нежеланием иметь перед глазами топоры страшного прошлого, самые убедительные и достоверные его следы, включающие любые дискуссии на тему о существовании лагерей и преступной сущности нацизма. Таким образом, был выработан один из наиболее действенных способов социального бегства от своей собственной истории, от вопросов, ответы на которые грозят деформацией национальной идентичности⁴⁸.

«Общество забвения», «нежелания видеть», в которое превращался окружающий жертвы лагерей социум, вступало в конфликт с «обществом памяти», которое представляло собой условное сообщество бывших узников. Этот конфликт выражался в отношении окружающих, которые не понимали выживших или понимали превратно и оттого нередко откровенно презирали их. Узница Освенцима Г. Биренбаум

⁴⁴ Беттельхейм Б. Просвещенное сердце. — Человек, 1992, № 6, с. 55.

⁴⁵ Levi P. The black hole of Auschwitz. Cambridge, 2016, p. 3.

⁴⁶ Визель Э. Указ. соч., с. 11.

⁴⁷ Градовский З. В сердцевине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2011, с. 38. В России записки З. Градовского были опубликованы только в 2008 г. в журнале «Звезда» (№ 7, 8, 9). Как книга эти материалы были изданы в 2010 и 2011 гг.

⁴⁸ В СССР происходили сходные процессы. Власти долго противились установке памятника расстрелянным в Бабьем Яру. Само место расстрелов пытались в 1957 г. затопить, что закончилось «Курневской трагедией» 1961 г. Во время восстановления в 1990-е годы Екатерининской пустыни в Подмосковье были сознательно уничтожены все следы Сухановской тюрьмы особого режима (Спецобъект 110) — одно из самых страшных мест казней 1930-х годов — располагавшейся на территории монастыря.

вспоминает, что в 1947 г., уже оказавшись в Израиле, она пребывала в глубочайшем смятении, когда ей говорили: «Вы просто шли как бараны. Вы не защищались. Почему вы не сопротивлялись? Что с вами произошло? Вы сами виноваты. Вы ничего не сделали. С нами бы такого не случилось. Не рассказывай нам об этом, это позор. Не рассказывай молодым, ты подорвешь их боевой дух»⁴⁹.

Попытки рассказать и объяснить наталкивались как на неспособность говорящего адекватно описать пережитое (после многих месяцев молчания в лагере речь оказывалась, по точному выражению С. Сонтаг, «очень физическим актом»⁵⁰, к которому не каждый был способен, так как именно язык мешал говорить), так и на неспособность слушающих понять, даже при желании это сделать. В этих процессах неожиданное подтверждение получили размышления Ф. Ницше об особенностях памяти — философ считал, что настоящая память возникает путем «вжигания» впечатлений посредством боли и насилия. «Вжигать, дабы осталось в памяти: лишь то, что не перестает причинять боль, остается в памяти»⁵¹. Не пережившие этой боли имели «память о памяти», возникающую в результате общения не с непосредственным объектом, формирующим память, а с репрезентативными объектами, посредниками — фотографиями, видеозаписями, устными свидетельствами, исследованиями.

Выжившие узники концентрационных лагерей, стремившиеся донести до других пережитую ими катастрофу, не только искали понимания у других, но искали понимания у самих себя, так как деформации, произошедшие с ними в лагере, были непонятны прежде всего самим узникам. Они не знали, что им ждать от самих себя. Рассматривая роль нарратива в формировании бытия человека, Р. Рорти приходит к заключению, что «отследить причины своего индивидуального бытия как оно есть — это рассказать о них историю на новом языке»⁵². То есть для подлинного понимания себя необходимо не просто засвидетельствовать происходящее или произошедшее, если речь идет о понимании истории, но в идеале создать и новый язык свидетельствования. Таким образом, не просто рождается нарратив, но устанавливаются причины произошедшего, то есть свидетельство ведет к восстановлению самоидентичности.

Большинство узников, свидетельствовавших о пережитом в лагере, сознательно или неосознанно действовали в координате, заданной психоаналитической методологией З. Фрейда, которая воспринимала рассказ о событии прежде всего как психологическую разрядку и терапевтическое средство, снижающее внутреннее напряжение. Вторичное переживание события в свидетельстве вело к освобождению от него, так как нарратив, в отличие от реальности, может быть подвержен внешнему воздействию. В рамках этой методологии нарратив делал событие событием, придавал ему субъективистскую мифологическую форму, которая держала фактологическую основу. Именно эта форма была нацелена на «производство», стимуляцию понимания, которое было важнее информационной составляющей рассказа.

Понимание является важнейшим условием существования события, именно понимание закрепляет событие в своих формах и в индивидуальной и коллективной памяти. Непонятые события стираются из сознания или деформируются им до неузнаваемости, после чего понимаются, но уже как фантомы, созданные воображением и фрагментаризированной памятью. Необходимыми являются и дистанция между свидетельствующим и свидетельствуемым, между рассказчиком и событием, и условие выбора «точки понимания», места, где должен находиться свидетель, чтобы возникло

⁴⁹ Рис Л. Указ. соч., с. 429.

⁵⁰ Сонтаг С. Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964–1980. М., 2014, с. 300.

⁵¹ Ницше Ф. К генеалогии морали. — Ницше Ф. Сочинения в 2-х т., т. 2. М., 1990, с. 442.

⁵² Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996, с. 52.

понимание. Аналогии мы можем видеть в инстинктивно выбираемом расстоянии между собеседниками, необходимом для адекватного разговора, или дистанцией между картиной (иконой) и зрителем, «включающей» адекватное восприятие произведения. Многие узники обнаружили, что найти эту «точку понимания» чрезвычайно сложно. Сразу после войны указанная дистанция была слишком коротка, громадную катастрофу невозможно было в целостности разглядеть с небольшого расстояния, а затем дистанция, напротив, оказалась слишком большой, в результате чего масштаб картины была утрачен, оставив вместо себя лишь наиболее выразительные детали.

В результате утраты или пропуска этой дистанции, отсутствия нового описательного языка (пережитый опыт можно было передать только в присущих ему вербальных формах), потери «точки понимания» рассказы подавляющего большинства свидетелей не производили и не закрепляли случившиеся события и тем более не устанавливали причины произошедшего. Вместо этого указанный нарратив создавал совершенно новое событие, имеющее формальное, типологическое сходство со старым, попытка узника передать «трагическое индивидуальное» личного опыта приводила к тому, что передавались шаблоны коллективного опыта, сводящиеся к насилию, убийствам и подробностям ужасов лагерной жизни. Эти шаблоны были не в состоянии вызывать понимание, а стимулировали сочувствие и жалость к свидетелю, в которых он менее всего нуждался.

Итогом этих процессов стало то, что выжившие узники концентрационных лагерей остались в значительной степени непонятыми как окружающими, так и самими собой, что привело значительную часть выживших к нежеланию рассказывать о произошедшем. Э. Визель отмечал: «Чем больше людей, и чем более внимательно они слушают нас, тем больше мы понимаем, что наши слова не доходят до них; то, что мы пытаемся сказать, — это вовсе не то, что, как вам кажется, вы услышали»⁵³. Сегодня можно утверждать, что то, что современные слушатели слышат от живых и уже ушедших узников о «концентрационном мире», это совсем не то, что они хотят и хотели сказать.

Библиография

Абкович Иосиф о концлагере Освенцим-Биркенау. — <https://teatr.audio/abkovich-iosif-о-концлагере-osvencim-birkenau> (дата обращения 6.04.2019).

Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2014.

Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. Попытки одоленного одолеть. М., 2015.

Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018.

Арендт Х. Скрытая традиция. М., 2008.

Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013.

Беттельхейм Б. Просвещенное сердце. — Человек, 1992, № 3, с. 35.

Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. М., 2014.

Быков В. Свидетельство эпохи. — <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/publicsm.txt> (дата обращения 15.03.2019).

Вахсман Н. Кл. История нацистских концлагерей. М., 2017.

Визель Э. Ночь. М., 2017.

Градовский З. В сердцевине ада. Записки, найденные в пепле возле печей Освенцима. М., 2011.

Гудей А. «В лагере меня из человека превратили в чучело номер 61369 — вот кем я была». <http://fakty.ua/212161-uznica-osvencima-anastasii-gulej-v-lagere-menya-iz-cheloveka-prevratili-v-chuchelo-nomer-61369--vot-kem-ya-tam-byla> (дата обращения 17.06.2019).

Жития святых Димитрия Ростовского. Т. 6. Февраль. М., 2008, с. 56–58.

Зебальд В. Естественная история разрушения. М., 2015.

⁵³ Визель Э. Указ. соч., с. 34.

Знак не сотрется. Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах. М., 2016, с. 318, 364–365.

Кантор М. Медленные челюсти демократии. М., 2008.

Кёниг Х. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ. — <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html> (дата обращения 02.06.2019).

Коуэн Д. М. Я выжил в Холокосте. М., 2016.

Леви П. Передышка. М., 2016.

Левинский Д. Мы из сорок первого. Воспоминания. — <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vospominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-18.html> (дата обращения 7.08.2019).

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995.

Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти. Статьи по устной истории. М., 2012.

Ницше Ф. К генеалогии морали. — *Ницше Ф.* Сочинения в 2-х т., т. 2. М., 1990.

Рис Л. Холокост. Новая история. М., 2018.

Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996.

Сонтаг С. Сознание, прикованное к плоти. Дневники и записные книжки 1964–1980. М., 2014.

Франкл В. Воспоминания. М., 2018.

Bloch H. A. Personality of Inmates of Concentration Camps. — *American Journal of Sociology*, 1947, 52(4), p. 337–339.

Felix L. Sparks. Dachau and its liberation. — <http://45thinfantrydivision.com/index14.htm> (дата обращения 7.03.2019).

Levi P. The black hole of Auschwitz. Cambridge, 2016.

Porat D. The Fall of a Sparrow: The Life and Times of Abba Kovner. Stanford, 2009.

Rousset D. L'Univers concentrationnaire. Paris, 1965.

Stangneth B. Eichmann vor Jerusalem — Das unbehelligte Leben eines Massenmörders. Hamburg, 2011.

References

Abkovich Joseph on the Auschwitz concentration camp-Birkenau. — <https://teatr.audio/abkovich-iosif-o-konclagere-osvencim-birkenau> (access date 6.04.2019). (In Russ.)

Adorno T. Negative Dialectic. Moscow, 2014. (In Russ.)

Amerly J. On the other side of crime and punishment. Attempts to overcome. Moscow, 2015. (In Russ.)

Arendt H. Experience of understanding. 1930–1954. Formation, exile and totalitarianism. Moscow, 2018. (In Russ.)

Arendt H. The Hidden Tradition. Moscow, 2008. (In Russ.)

Bauman Z. The relevance of the Holocaust. Moscow, 2013. (In Russ.)

Bettelheim B. Enlightened Heart. — *Man*, 1992, № 3, p. 35. (In Russ.)

Bloch H. A. Personality of Inmates of Concentration Camps. — *American Journal of Sociology*, 1947, 52(4), p. 337–339.

Boroznyak A. I. Cruel memory. The Nazi Reich in the perception of the Germans of the second half of the twentieth and early XXI century. Moscow, 2014. (In Russ.)

Вукон В. Evidence of the era. — <http://lib.ru/PROZA/BYKOW/publicism.txt> (access date 03.15.2019). (In Russ.)

Cantor M. Slow Jaws of Democracy. Moscow, 2008. (In Russ.)

Cowan D. M. I survived the Holocaust. Moscow, 2016. (In Russ.)

Felix L. Sparks. Dachau and its liberation. — <http://45thinfantrydivision.com/index14.htm> (access date 7.03.2019).

Frankl V. Memoirs. Moscow, 2018. (In Russ.)

Gradovsky Z. In the core of hell. Notes found in the ashes near the furnaces of Auschwitz. Moscow, 2011. (In Russ.)

Gulya A. “In the camp I was transformed from a person into a stuffed figure number 61369 – that’s what I was.” <http://fakty.ua/212161-uznica-osvencima-anastasii-gulej-v-lagere-menya-iz-cheloveka-prevratili-v-chuchelo-nomer-61369-vot-kem-ya-tam-byla> (access date 17.06.2019). (In Russ.)

Koenig H. The memory of national-socialism, the Holocaust and the Second World War in the political consciousness of Germany. — <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ke11.html> (access date 02.06.2019). (In Russ.)

Levi P. Respite. Moscow, 2016. (In Russ.)

Levi P. The black hole of Auschwitz. Cambridge, 2016.

Levinsky D. We are from forty-first. Memories. — <http://iknigi.net/avtor-dmitriy-levinskiy/86477-my-iz-sorok-pervogo-vospominaniya-dmitriy-levinskiy/read/page-18.html> (access date 7.08.2019). (In Russ.)

Likhachev D. S. Memoirs. Saint-Petersburg, 1995. (In Russ.)

Lives of Saints Demetrius of Rostov. T. 6. February. Moscow, 2008, p. 56–58. (In Russ.)

Nietzsche F. To the genealogy of morality. — *Nietzsche F.* Works in 2 t., t. 2. Moscow, 1990. (In Russ.)

Nithammer L. Questions to the German memory. Articles on oral history. Moscow, 2012. (In Russ.)

Porat D. The Fall of a Sparrow: The Life and Times of Abba Kovner. Stanford, 2009.

Rees L. Holocaust. New story. Moscow, 2018. (In Russ.)

Rorty R. Chance, irony and solidarity. Moscow, 1996. (In Russ.)

Rousset D. L'Univers concentrationnaire. Paris, 1965.

Sontag S. Consciousness, chained to the flesh. Diaries and notebooks 1964–1980. Moscow, 2014. (In Russ.)

Stangneth B. Eichmann vor Jerusalem — Das unbehelligte Leben eines Massenmörders. Hamburg, 2011.

The sign will not be erased. The fate of Ostarbeiters in letters, memoirs and oral tales. Moscow, 2016, p. 318, 364–365. (In Russ.)

Vahsman N. KL. The history of Nazi concentration camps. Moscow, 2017. (In Russ.)

Wiesel E. Night. Moscow, 2017. (In Russ.)

Zebald V. Natural history of destruction. Moscow, 2015. (In Russ.)